

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Всесоюзная Коммунистическая Партия (больш.).

ПРАВДА

Орган Центрального Комитета и МК ВКП(б).

№ 28 (8074)

29 января 1940 г., понедельник

ЦЕНА 10 КОП.

А. П. ЧЕХОВ

К 80-летию со дня рождения

В начале восьмидесятых годов прошлого века на страницах юмористических журналов засверкали первые миниатюры Чехова.

Был он в то время молод, и жизнерадостность сочеталась в нем с бьющим ключом остроумием.

Природный дар юмора, чудесная способность подмечать, угадывать смешное в людях, создавать комический эффект определили характер литературных начинаний писателя. А жизнь заставила его «шататься» по журнальчикам, развлекавшим российского обывателя.

Шесть лет работал Чехов литературным поденщиком в мелкой прессе: писал рассказы, рассказы «величиной с ладонь», «на затычку», сценки-очерки.

Это была неблагоприятная работа: всегда наспех, на заказ, с оглядкой на сезонные задания, на количество строк, отпущенных редактором, на царскую цензуру, которая в осмеянии трагических порядков готова была усмотреть ниспровержение основ.

В те времена глухие дозволялось смеяться над пьяными купцами, злыми тещами, дачными мужьями, — и поток однообразного, пошлого зубоскальства заливал страницы журналов, в которых дебютировал Чехов.

По началу и он отдал дань забавляющему смеху. Но быстро понял молодой писатель идейное убожество, общественный вред «цветов невинного юмора». Подло брать деньги за глумление над пьяными купцами — заявляет Чехов в 1883 году. Он почувствовал оздоравливающую, воспитательную силу смеха и, еще не отдавая себе отчета в социальном значении этой воспитательной силы, стал вводить в свои шутки элемент «серьеза» — чеховское словечко. Юморески его засверкали, отмеченные печатью таланта и стыдливо скрытым серьезным отношением к смешным уродам жизни.

Среди рассказов, подписанных веселым именем Антоши Чехонте, есть знаменитые «Хамелеон», «Унтер Пришибеев», — именами их поныне клеймят низкое угодничество, тупой произвол. Пужно ли говорить, что не просто смешон «малень-

кий, чрезвычайно тощий мужичонко в пестрядиной рубашке и латанных портах» — знаменитый «злоумышленник», который отвинчивает гайки на железнодорожных рельсах и не понимает, в чем его преступление, за что его судят?

В первых же рассказах Чехова веселое мимом оборачивается в печальное, стрела насмешки вонзается глубоко, и комическое выступает как форма проявления социальных уродств, «свинцовых мерзостей» жизни прошлого — старого мира. Это — определительная черта чеховского смеха. Он вовсе не так весел, как на первый взгляд кажется, хотя умел писатель смеяться здорово, заразительно и весело — как в искрящихся остроумием водевилях «Медведь», «Предложение», «Свадьба», «Юбилей». «Кто смеется, тот здоров», — говорил Чехов.

А вместе с тем в его смехе много горечи, есть в нем сила злости, презрения к позорной жизни мешан.

Чем более прояснялось и крепло общественное самосознание писателя, чем более убеждался он, что настоящим художником нельзя быть без «определенного» (Чехов разумел — передового) мировоззрения, чем глубже захватывал он действительность и шел от мелочей жизни к постановке социальных вопросов, — тем ярче огонь сатиры пронизывал его творчество зрелой поры.

От Антоши Чехонте к Чехову — великому автору «Палаты № 6», «Мужиков», «В овраге», «Крыжовника», «Человека в футляре» — таков путь, пройденный писателем. Путь этот был труден и противоречив. Он и не мог быть иным.

В детстве и юности на духовный рост будущего писателя давила косная мешанская среда. «Я страшно испорчен тем, — признавался с горечью Чехов, — что родился, вырос, учился и начал писать в среде, в которой деньги играют безобразно большую роль».

Молодость прошла в условиях жестокой реакции. Кризис революционного движения со всеми сопутствующими ему явлениями — растерянностью, пессимизмом интеллигенции, идейным разбродом в культурном обществе, — вот условия, тяжело ска-

завшиеся на творческом росте Чехова. «В те годы дальние, глухие в сердцах царили сон и мгла: Победоносцев над Россией простер совиные крыла...» Так писал Блок о России восьмидесятых годов.

Мудрено ли, что молодой художник, ничего не взявший из родного дома в дальнюю дорогу жизни, с трудом находил свой путь в предракетной мгле. Но шел он вперед, навстречу рассвету, который раскинулся необозримо и разгорелся великим пламенем революции 1905 года.

Подводя итог первому периоду литературной работы, Чехов писал: «Напишете-ка рассказ о том, как молодой человек, сын крепостного, бывший лавочник, певчий, гимназист и студент, воспитанный на чиновничьи, целовании поповских рук, поклонении чужим мыслям, благодаривший за каждый кусок хлеба, много раз сеченный, ходивший по урокам без галюш, дравшийся, мучивший животных, любивший обедать у богатых родственников, лицемеривший и богу и людям без всякой надобности, — только из сознания своего ничтожества, напишите, как этот молодой человек выдавливал из себя по каплям раба и как он, проснувшись в одно прекрасное утро, чувствует, что в его жилах течет уже не рабская кровь, а настоящая, человеческая».

Одной из главных тем творчества была тема унижения человека. Острым пером карикатуриста Чехов рисовал позорно-смешное в забвении человеческого достоинства. Так художник выдавливал рабью кровь, преодолевал традиции, вращенные веками крепостного гнета, бюрократизма, сословности — всем строем жизни несправедливой страны, какой и была царская Россия. И, если в чеховском изображении безвольной покорности, бессилия «хороших» людей нет резкости сатиры, — правда изображения говорит сама за себя. «Проходит перед глазами бесчисленная вереница рабов и рабынь своей любви, своей глупости и лени, своей жадности к благам земли», — писал Горький о чеховских персонажах. — Проходит Душечка — «милая, кроткая женщина, которая так рабски, так много умеет любить... Рядом с ней грустно стоит Ольга из «Трех сестер».

Внимание Чехова привлекали рядовые люди демократической массы. Сельские учителя, земские врачи, литераторы из третьестепенных, актеры из глубокой про-

винции — герои многих рассказов Чехова. Он показал, как бытуют «маленькие» труженики в тисках нужды, как бесплодно тратят свои силы в нищих деревнях, в захолустных городах, где царит сытое мешанство.

«Учителя, небогатые врачи, фельдшера при громадном труде, — писал Чехов, — не имеют даже утешения думать, что они служат идее, народу, так как все время голова бывает набита мыслями о куске хлеба, о дровах, о плохих дорогах, болезнях».

«Жизни мышья беготня» — что с таким изумительным мастерством рисовал Чехов — под четким его пером встает наполненная глухой борьбой за кусок хлеба и непрерывным страданием человека, сознающего свое бессилие, бесплодность лучших надежд. Громов — сумасшедший, герой «Палаты № 6», — говорит «безумные речи»: что любит жизнь, страстно любит, но в несчастном, глухом городишке за 200 верст от железной дороги, в обществе, развлекающем себя грубым развратом, жить не втерпел.

Обобщая свои повседневные, горестные наблюдения, Чехов написал «Палату № 6» — трагический рассказ о том, как людей, осмелившихся мечтать и думать о лучшей жизни, заперли в дом умалишенных; реалистическое изображение этой страшной тюрьмы вырастает в символ самодержавно-полицейского государства.

Каждая страница чеховского реалистического письма — такого простого, как будто спокойного — пронизана скрытой, жгучей болью, исполнена горькой правды: эта жестокая, «безусловная и честная», по слову писателя, правда отрицала строй угнетения и бесправия. Так художник выступал против общественных условий, при которых «...остатки средневековых, полукрепостнических учреждений... гнетущим ярмом лежат на пролетариате и на народе вообще, задерживая рост политической мысли во всех сословиях и классах...» (Ленин — «Что такое «друзья народа»?»). Это и были условия, характерные для России 80—90-х годов.

Образы, картины чеховского творчества, отражая исторически конкретные условия, достигают огромной силы обобщения. В художественной истории дореволюционной России выдающееся место занимают такие произведения, как «Мужики», «В овраге»,

Зловещая фигура «человека в футляре» стала символом старого, издыхающего мира.

Характеризуя литераторов своего поколения, Чехов писал: «Вспомните, что писатели, которых мы называем вечными или просто хорошими, и которые пьянят нас, имеют один общий и весьма важный признак: они куда-то идут и вас зовут туда же и вы чувствуете не умом, а всем своим существом, что у них есть какая-то цель... Лучшие из них реальны и пишут жизнь такою, какая она есть, но от того, что каждая строчка пропитана, как соком, сознанием цели, вы кроме жизни, какая есть, чувствуете еще ту жизнь, какая должна быть, и это пленяет вас. А мы? Мы! Мы пишем жизнь такою, какая она есть, а дальше — ни тпру ни ну...».

Замечательная эта характеристика, помимо своей исторической правильности, интересна той смелостью, с какой Чехов проводит мысль: для того, чтобы быть настоящим художником, нужно сознанием цели осветить правдивое изображение жизни, нужно видеть перспективу ее развития. «Осмысленная жизнь», — говорил Чехов, — без определенного мировоззрения, — не жизнь, а тягота, ужас».

На великий вопрос — что делать? — Чехов не знал ответа.

Он верил в разум человеческий, в науку, в прогресс, верил в то, что «непелая, неуклюжая страна» «обратится в цветущий сад». Но кто взрастит этот цветущий сад, Чехов не знал. Далеким — «через двести—триста лет» — рисовалось ему прекрасное будущее, что для его критического ума не было ни утешением, ни целью.

Великого художника-реалиста Чехова выдвинули могучие демократические силы страны, которые пробудились в 90-е годы и участвовали в широком общественном движении, подготовившем первую русскую революцию. А вместе с тем писатель показал политическую отсталость, двойственную природу демократических масс, втянутых в процесс мелкобуржуазного существования. Честь писателю за то, что возвысился он до строгой самокритики, понял, что необходимо художнику политически мыслить, видеть перспективу общественной жизни.

Чехов сурово осудил русскую интеллигенцию той поры, как людей нестойких, бесцельно мятущихся. В докторе Астрове

(это один из самых глубоких и содержательных образов) Чехов выделил характерную черту — бессилие политической мысли. Астров говорит о себе: «Я работаю, — вам это известно, — как никто в уезде... Но у меня нет владения огоньком...».

В области, которая была отведена Чехову историческими условиями и общественными отношениями его времени, он достиг высокого совершенства. К Чехову как нельзя более приложимы слова Гоголя о писателе, дерзнувшем «вызвать наружу все, что ежеминутно пред очами, и чего не зрят равнодушные очи, — всю страшную, потрясающую тину мелочей, опутавших нашу жизнь, всю глубину холодных, раздробленных, повседневных характеров, которыми кипит наша земная, подчас горькая и скучная дорога...».

Эту скучную дорогу жизни, повседневные характеры, будничные драмы, мельчайшие столкновения людские Чехов изобразил с предельной простотой и глубокой жизненностью. Психология повседневности ясна была Чехову: от внимания его не ускользали именно обычные, казалось бы, непримечательные движения души человеческой. Эту тончайшую игру чувств, настроений Чехов описывал простыми, скучными словами. Он до высокого совершенства довел художественный лаконизм.

Толстой говорил о нем: «Чехова, как художника, нельзя даже и сравнивать с прежними русскими писателями — с Тургеневым, с Достоевским или со мной. У Чехова своя собственная форма...».

Он возродил и по-новому разработал древнюю, как само искусство, форму короткой, сжатой, увлекательной новеллы. С драматургическим творчеством Чехова связан новый этап в истории русского театра.

Горячим поклонником прекрасного чеховского таланта был Ленин. Он неоднократно вспоминал произведения Чехова, его героев.

Высоко ценит творчество великого русского писателя товарищ Сталин. Популярнейшие чеховские образы, о которых он упоминал: унтер Пришибеев, «человек в футляре», приобрели в его объяснении новый смысл, новую силу.

В нашей стране Чехов — любимый писатель миллионов.

М. ЮНОВИЧ